

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Рыцари гор

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Рыцари гор / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2025. – 352 с.

ISBN 978-5-519-99140-7

ISBN 978-5-519-99140-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

шимся надеждамъ! Такъ все свѣтло и ярко было впереди!.. Но вѣдь это внутренній міръ—онъ при мнѣ и остался. Кандалы надѣнь на меня, куда-нибудь въ башню запири и окно замуруй, все-таки мысль и мечту не замкнешь, не заложишь камнями. Я не объ этомъ. А вотъ нашей петербургской жизни я совсѣмъ не хотѣлъ бы вернуть... Подумаешь, что толку въ ней—блѣдной, чахлой, безцвѣтной... А тутъ-то, тутъ!

— Только на первыхъ порахъ вамъ и нравится.

— Не знаю—можетъ-быть.

— Намъ-то ужъ надоѣло. Исполниешь службу—вотъ и все.

— Нѣтъ, вы подумайте... Прислушайтесь къ этой ночи. Какой таинственный міръ кругомъ...

— Точно, что... Подберутся черкесы...

— Ахъ, я не о томъ!

Молодой разжалованный задумался.

Загадочное кругомъ... Въ насъ самихъ, что ли?.. Мы его ощущаемъ, какъ только струны нашихъ нервовъ натянутся, чтобы чувствовать и воспринимать малѣйшія колебанія не грубаго воздуха, а чего-то другого, болѣе тонкаго. И онѣ вздрагиваютъ отъ призрачнаго прикосновенія, и мы слышимъ и предчувствуемъ иной міръ, съ иными существами...

— А вы ничего не чувствуете, Иванъ Васильевичъ?

— Нѣтъ... какъ же... сыро вотъ... Ишь, на бурку-то сколько росы насѣло...

Онъ приподнялся на локтяхъ и отряхнулся...

— Не кажется ли вамъ: кто-то за нами?

— Черкесь?..

— Нѣтъ... кто-то или что-то... За нами и между нами... Но мы не одни.

— Въ карагачѣ, что ли, вамъ чудится? Они, подлецы, иногда этакъ-то: заберется на дерево птицей, да до утра и высиживать. Ловкіе, шельмы!

— Я не про то!..

— Ахъ, вы все объ... сказочномъ? Не привыкли вы еще къ нашимъ лѣсамъ. Ну, воображеніе у васъ и шалить.

— Я никогда не понималъ этого. Не все ли равно, что сказать: клавиши звучатъ. Сами по себѣ?.. Сами собою?

«И мы сами? — продолжалъ онъ думать, подчиняясь таинственному вліянію этой горной ночи.— Не кажется ли порою, что внутри у насъ натянуто множество тонкихъ-тонкихъ струнъ, и чьи-то пальцы неуловимо бѣгутъ по нимъ, вызывая къ жизни, если не самые звуки, то души звуковъ? Чьи пальцы, къ чему эти звуки? Кто ихъ слышитъ? Кому они нужны? Гдѣ они живутъ потомъ? Вѣдь ничто родившееся не исчезаетъ. А звукъ тоже родился, и онъ долженъ жить и исполнить невѣдомое назначеніе».

И онъ вдругъ вздрогнулъ.

Лежавшій рядомъ толкнулъ его легко въ бокъ...

Толкнулъ и къ землѣ припалъ...

Отъ таинственнаго и загадочнаго не осталось и слѣда. Дѣйствительность смѣняла мечту. Вдали слышались странные, тяжелые, грузные звуки. Точно что-то большое, неповоротливое двигалось, именно не шло, переступая съ ноги на ногу,—а двигалось сплошь черезъ перепутавшуюся листву, переплетающіяся вѣтви, и эти листья съ шорохомъ раздавались, сучья съ сухимъ хрустомъ и шуршаніемъ раскидывались по сторонамъ. Что-то мимоходомъ попадало на толстые лѣсные стволы, давило подъ собою старую, давно опавшую и еще не разложившуюся сушь... Ближе и ближе... Будь гора тутъ — можно подумать, что это лавина ползетъ съ нея... Но снѣговые вершины отошли далеко — тутъ только ихъ отроги... Вся тишина ночи наполнялась этимъ движеніемъ...

— Кабанъ? — спросилъ разжалованный.

— Нѣтъ... Сквозь кабана еще...

Что такое «сквозь кабана», такъ и не понялъ онъ этого образнаго выраженія. Должно-быть, его слухъ еще не привыкъ разбираться въ загадочномъ безмолвіи кавказской ночи... Нѣтъ, вотъ, дѣйствительно, — сквозь это, сплошное шуршаніе и глухое движеніе большого и грузнаго тѣла — что-то легкое, даже воздушное пробивается... Шаги — не шаги? Иванъ Васильевичъ точно угадалъ его недоумѣніе — и объяснилъ:

— Въ чевякахъ... Только не горечь.

— Отчего?

— Не станеть кабана тревожить Кабанъ по-ихнему та же свинья. Законъ не позволяетъ.

Шумъ растеть... На нихъ прямо... И вдругъ—точно одна изъ скалъ разсѣлась. Что-то треснуло и гулко прокатилось по ущелью. Чу... повторилось далеко-далеко... Еще... Тише и тише... Замерло, должно-быть, у недоступныхъ стѣнъ Ходжа-баира... Какая-то возня, точно большое и тяжелое тѣло рухнуло и бьется на землѣ, раскидывая ея комья по сторонамъ, срывая и разбрасывая вѣтки нависшихъ надъ нимъ кустовъ, ломая выступающіе наружу корни...

— Что, анаема, попался! — слышалось оттуда весело и громко.

— Вотъ и сохранили секреты! — засмѣялся Иванъ Васильевичъ.— Эй, кто тамъ?..

Невѣдомый во мракѣ и туманѣ охотникъ точно къ землѣ припалъ. Молчить... Только умирающій кабанъ, хрипя, роетъ землю и сворачиваетъ кусты вокругъ послѣдними ударами клыковъ.

— Не бось—свой!..—крикнулъ опять офицеръ.

— Кто свой-то?.. — осторожно переспросило изъ темноты.

— Съ Свято-Никольскаго поста... Капитанъ Сверчукъ...

— Здравія желаемъ вашему высокоблагородію!—радостно отвѣтилъ охотникъ.—А я думалъ—кому бы. Нынче-то бритолобые тоже научились по-нашему. Вчера я иду себѣ по тропкѣ, и такая же мара была, ничего не видать, а «онъ» услышалъ меня, да и кричить: «сялдатъ—сялдатъ, гдѣ ты?» Ну, я прихилился, выждалъ его на себя, да прикладомъ по башкѣ.

Разжалованный вздрогнулъ: онъ еще не привыкъ къ этой эпической простотѣ боевого звѣрства...

— Это ты, Кутькѣ?..—крикнулъ капитанъ.

— Онъ самый будетъ!—отвѣтилъ за себя Кутькѣ.

— Пластунъ нашъ! — обернулся Иванъ Васильевичъ къ разжалованному. — Цѣлыя недѣли по лѣсамъ шляется. Купера читали?

- Какъ же.
- Ну, вотъ вамъ одинъ изъ типовъ. Можете наблюдать, если хотите.
- Да вы, ваше высокоблагородіе, кого сторожите здѣсь?..
- Казаки донесли, что горцы тутъ шатаются.
- Пластунъ засмѣялся.
- Не тамъ вы ихъ шукаете, ваше высокоблагородіе.
- А ты ихъ видѣлъ?
- Видѣть — не видѣлъ, а слышать — слышалъ. Онъ за горнымъ логомъ сейчасъ... Должно, къ нашему посту пробирается. Только не черезъ эту щель.
- А какъ же?
- Онъ хитрый. Тоже понимаетъ, гдѣ ему угощеніе готово... Онъ никакъ иначе — цѣлиной пройдетъ.
- Около?
- Вонъ надъ тѣми камнями...
- И пластунъ показалъ въ темноту, гдѣ ничего разобрать нельзя было.
- Какъ до нихъ доберешься...
- А вы вотъ что, ваше высокоблагородіе. Оставьте при кабанѣ—кого... Потому на свѣжій духъ-то сейчасъ чачалокъ до страсти набѣжить. Я за нимъ, за кабаномъ этимъ самымъ, два дня слѣжу... Полковникъ тоже свѣжинки приказалъ доставить... Упускать-то не гоже. Вся дичь распугана, гдѣ ее подымешь. А я тѣмъ временемъ васъ на настоящее мѣсто приведу и поставлю. Вы этихъ бритолобыхъ руками перехватаете. Пожалуй, до утра съ вами пробуду.
- Лазаревъ!
- Я.
- Ты побудь здѣсь пока...
- Слушаю, ваше высокоблагородіе.
- Можешь въ утѣшеніе курнуть...
- Эхъ, бѣда моя. Тютюну мало!
- Сигарку хочешь?—обернулся къ нему разжалованный.
- Если вашей милости будетъ!..
- На вотъ... Бери еще... Еще. До утра далеко...
- Я этого—кабана твоего—вотъ какъ обкурю теперь!— обрадовался Лазаревъ.

— Однако ты не очень-то, чтобъ... Какъ пѣтухъ сторожи. Потому не ровень часъ. Мѣсто клятое. Живо нанесетъ на тебя разбойника... Слушай, да пѣсни не пой...

— Они,—обернулся пластунъ къ капитану,—рассейскіе, страсть пѣсню любятъ. Ну, а черкесть вѣдь, какъ перепелъ, на дудку идетъ!.. Ему чего лучше... Сыметъ голову и не замѣтишь!..

— А не пропустили ли мы ужъ?

— Кого?

— Горцевъ.

— Нѣтъ... Онъ, горецъ, темноту въ засадѣ любить. Первое ему удовольствіе... А чтобы нападать да высматривать—луна надобна... Онъ ея дождется... Успѣете еще поскучать-то! Ну, прощай, служба!—обернулся онъ къ оставшемуся солдату.

За черною массой уже недвижнаго кабана слабо-слабо вспыхивалъ огонекъ трубки...

— Прощай, братъ!—обернулся разжалованный.

— Счастливо оставаться! Благодаримъ покорно за цыгарки. Теперь за ваше здоровье попалимъ табачку.

Но его ужъ не слышали.

II.

Казалось, туманъ на одно мгновеніе разступился, чтобы поглотить капитана съ его спутниками. Еще нѣсколько минутъ шаги ихъ звучали вдали — все тише и тише. Скоро и они утонули въ этомъ влажномъ мракѣ. Пахло кровью—ея вдоволь вытекло изъ убитаго животнаго, и она, не просачиваясь въ засыпанную листопадомъ землю, стояла лужей, холодѣя и густясь... Лазаревъ нащупалъ кабана, прислонился къ нему — все де мягче,—подтянулъ къ себѣ на всякій случай ружье, закрылъ глаза, попыхивая трубочкой и уносясь мыслью далеко-далеко, за эти горы, за синее море, на полузабытую родину, которую едва ли приведется ему, старому кавказскому солдату, увидѣть еще когда-нибудь...

Если бы спросили у капитана Сверчука, куда онъ направился, едва ли бы онъ могъ отвѣтить опредѣленно. Несмотря на то, что Иванъ Васильевичъ здѣсь уже десятый годъ, и всѣ окрестности исходилъ вдоль и поперекъ, — въ эту ночь онъ рѣшительно ничего не разбиралъ передъ собою. Туманъ или мара, какъ выражался Кутько, лежалъ повсюду. Сквозь него, какъ за непроницаемой завѣсою, ничего не было видно, и офицеръ, слѣпо шагая за пластуномъ, не могъ взять въ толкъ, куда тотъ его ведетъ и по какимъ мѣстамъ. Разжалованному и соображать было нечего. Онъ только четвертый годъ служилъ на Кавказѣ на правомъ флангѣ, а здѣсь ничего не зналъ. Изъ однообразной мглы, все гуще и больше осаждавшей влагою на ихъ косматыя бурки, выдвигались утесы, съ какими-то впередъ, будто навстрѣчу имъ, протягивавшимися руками. Только наткнувшись на нихъ можно было рассмотреть корни деревьевъ. Сами деревья поднялись вверхъ на тычкахъ, а корни ихъ, пробуравивъ крѣпкое каменное тѣло, вырывались здѣсь наружу узловатыми и крѣпкими лапами. Часто, руководимый инстинктомъ, пластунъ вдругъ поворачивалъ въ сторону, а Сверчукъ, слишкомъ близко слѣдуя за нимъ и не успѣвъ сдѣлать того же, натыкался на громадный и корявый стволъ стараго дуба или на ошестинившійся тысячами густо облиствѣвшихъ сучьевъ орѣшникъ. Тѣмъ не менѣе, наши путники понимали только одно: они все больше и больше поднимались на высоту... Тутъ и дышать становилось легче и деревьевъ по пути попадалось меньше. Изъ-подъ ногъ у нихъ, словно живые, сами собою выворачивались камни и, мягко шурша по влажной травѣ, скользили куда-то внизъ. Разъ передъ Иваномъ Васильевичемъ, вскинулось что-то живое, кувырнулось въ воздухъ и, судя по удаляющемуся шуму, исчезло гдѣ-то...

— Что это? — всполохнулся старый капитанъ.

— Заяцъ, должно... — равнодушно отвѣчалъ пластунъ.

На эту дрянъ онъ не обращалъ никакого вниманія и никогда мелочи не билъ.

Нѣсколько минутъ, и туманъ порѣдѣлъ...

Онъ еще лежалъ на всемъ — и впереди и позади, но теперь уже въ немъ можно было различить кое-какія очертанія и не обманчивыя, грезящіяся возбужденному глазу въ сплошномъ мракѣ, а настоящія. Круглились вершины ближайшихъ деревьевъ, выступали стѣны растрескавшихся скалъ, заваленныя щебнемъ промежи между ними точно сами собою подползали подъ ноги. Что-то пронеслось въ высотѣ, тяжело махая большими темными крыльями, и это различилъ Иванъ Васильевичъ.

— Пугачъ? — спросилъ онъ

— Да!

И, точно, чтобы оправдать эту догадку, ужъ гораздо ниже, громко послышался рыдающій крикъ.

— Тоже охотникъ! — засмѣялся пластунъ.

— Звѣзды!.. — съ какимъ-то счастьемъ въ голосѣ проговорилъ разжалованный.

Сверчукъ поднялъ туда голову и, спотыкнувшись, недовольно проговорилъ:

— А ну ихъ къ Богу! Намъ не до звѣздъ. Еще полейтишь куда...

Зато молодой солдатъ, рискуя собою, ужъ не отводилъ отъ этихъ слабо мерещившихся созвѣздій восторженныхъ глазъ. Мгла тутъ значительно поддалась — еще немного и ея не будетъ. На холмахъ воздухъ стоялъ чистый и сухой, сырость и мракъ лежали внизу, на днѣ долинъ и ущелій... Семь очей безсонной Большой Медвѣдицы смотрять точно въ душу... Вонъ и Полярная — какъ далеко запала она на сѣверъ! Должно-быть, и горы разступились здѣсь, иначе бы ея не различить за ними... Что-то теперь дѣлается тамъ — подъ нею, въ холодномъ и туманномъ Петербургѣ? Помнятъ ли затерявшагося вдали друга и брата близкіе и дорогіе люди? Или обычная сутолока и вѣчный разладъ заслонили его такъ, что и различить его черты они не могутъ, роясь порою въ памяти? Теперь, вернись онъ туда — станетъ, пожалуй, лишнимъ между ними. Они сомкнулись — локоть къ локтю — у нихъ, за это сравнительно такое недолгое время, создались свои интересы; не до него озабоченнымъ, мятущимся, можетъ-быть, даже разочарованнымъ, измученнымъ.

Каждый за себя болитъ душою! И «она»? У него тоже была «она»!.. Теперь все рѣже и рѣже снится ему бѣлокурая головка съ вьющимися волосами, такъ загадочно и печально, на зло разстоянію, смотрѣвшая на него издали большими сѣрыми глазами. Вотъ уже годъ, какъ о ней ничего и не пишутъ ему. Сначала еще плакала надъ нимъ... Грустила надъ его лагерротипомъ... а потомъ пришли другіе и заслонили его. Живая ищетъ живого, а вѣдь онъ почти мертвъ для нихъ для всѣхъ. Можетъ-быть, — и даже не можетъ-быть, а навѣрное, — вышла замужъ... И если изъ сумерекъ пережитой были еще и воскресаетъ передъ нею ея «несчастный другъ», какъ она его называла когда-то — ея сердце только чуть-чуть сожмется безъ тоски и безъ боли... Въ какую даль отошелъ весь этотъ миражъ прошлаго? Какъ и туманъ внизу — разсѣялся... Теперь и надъ нимъ и въ немъ одна безмолвная пустыня съ тихими и печальными звѣздами, съ бѣлыми вершинами горъ, съ безлюдьемъ и бездорожьемъ... Пустыня! Да, именно пустыня... И если въ ней, наконецъ, достигнетъ его пуля и оборветъ эту жизнь, — что и кому будетъ за дѣло до нея. «И неужели ты, далекая, — невольно подумалъ онъ, — не заплачешь надъ моей судьбой?.. А впрочемъ, зачѣмъ, къ чему, что спасутъ и кому дадутъ радость твои слезы... Я хорошо забыть!.. забыть и навсегда!..»

— Здѣсь!

Разжалованный точно съ небесъ упалъ отъ этого короткаго и, какъ ему показалось, страшно громкаго слова, хотя пластунъ произнесъ его почти шопотомъ.

Гребень горы. Точно хребетъ сказочнаго чудовища — выступаетъ онъ изъ мрака и падаетъ внизъ. Куча какихъ-то камней. Въ нихъ шуршитъ что-то. Не потревоженные ли змѣи? Видно вверхъ далеко — а туда, откуда они пришли — только ребра утесовъ пропадаютъ въ туманѣ. Чу... гдѣ-то заплакала чакалка...

— Кабана моего чуетъ!.. — тихо проговорилъ Кутыко.

И онъ тихо снимаетъ съ Ивана Васильевича бурку и разстиляетъ ее.

— Неручевъ, ляжемъ вмѣстѣ и прикроемся вашею — отлично будетъ.

Разжалованному хотѣлось бы остаться одному, — ужь очень разбередилъ онъ старья были. Сентиментальному идеалисту и поплакать бы впору подъ звѣздами на вершинѣ утеса... Да неловко. Тотъ же Иванъ Васильевичъ не пойметъ, что съ нимъ дѣлается — бабой обзоветъ, смѣяться будетъ, расскажетъ на посту другимъ или — что еще хуже — вообразить, что у него, у Неручева, не хватаетъ мужества, и онъ какъ мальчикъ плачетъ надъ своею собственною участью... Нѣтъ, ужь лучше остаться здѣсь. Пластунъ приваливается около. Онъ выдвинулъ передъ собою ружье такъ, что дуло его приходилось какъ разъ между двумя камнями. Жадно смотреть оно, холодное и безмолвное, оттуда прямо на гребень. Стоитъ появиться кому-нибудь живому и дышащему, чтобы оно разомъ послало въ его грудь беспощадную и неотвратимую смѣрть. Иванъ Васильевичъ тоже заботливо выставилъ винтовку. Она у него надежная, охотничья. Не мало онъ побилъ ея въ кавказскихъ чернолѣсьяхъ кабановъ и медвѣдей. Не разъ и врага настигалъ издали!..

III.

Звѣзды разгорались ярче и ярче. Должно-быть, несмотря на кажущуюся чистоту воздуха, туманъ все-таки былъ и здѣсь, и только теперь весь онъ опустился, припадалъ къ землѣ. Опредѣленнѣ выступили горныя вершины. Вонъ подъ одной изъ нихъ точно огонекъ. То вспыхнетъ, то пропадетъ опять.

— Ауль тамъ у нихъ! — тихо объясняетъ пластунъ.

Неручевъ силится разобрать очертанія этого аула и не видитъ ничего. Пятно какое-то мерещится тамъ и только мерещится.

— Ваше высокоблагородіе, вы поспали бы... Въ случаѣ чего — я взбужу васъ.

Ивана Васильевича не надо было и предупреждать объ этомъ. Онъ, подъ буркою, согрѣтый ею и близостью разжалованнаго, закинулъ руки за голову и, равнодушно глядя слипавшимися глазами на звѣзды, уже дремалъ. Скоро его

тихое и ровное дыханіе послышалось солдату. Онъ обернулся къ пластуну:

— Вы давно по этимъ мѣстамъ бродите?

— Я-то! Я, баринъ, и самъ не помню, когда я былъ въ другихъ.

— Вамъ не наскучило?

— Чего скучать, коли служба... Тоже и татарва эта скучать не даетъ. Съ нею не поскучаешь. Тутъ въ оба гляди. Чуть промахнешься — и поскучать некогда, потому голову снесутъ.

— У васъ есть семья?

— Отецъ былъ... Матери я не помню — рано померла. Ну, а отца черкесы убили.

Прямо передъ Неручевымъ — крутая и голая вершина. Ее чуть-чуть снѣгомъ присыпало. Этотъ бѣлый взлетъ смѣло уносится въ недосягаемую звѣздную бездну. Что это — точно онъ рѣзче выступилъ?.. Потемнѣлъ... Изъ-за него легкое-легкое сіяніе показалось. Около померкли безсонныя очи неба. Пропали, — а оно все свѣтлѣе...

— Мѣсяцъ!..

Теперь уже сбоку скалы засеребрились... Пустынному величію онъ придаютъ еще болѣе мертвенности... Вонъ мерещившееся пятно далекаго аула опредѣлилось яснѣе. Бѣлое. Должно-быть, и сакли тамъ выбѣлены

— Мирный? — спрашивалъ Неручевъ.

— Когда какъ. Наша беретъ — мирный, ихняя сила подваливаетъ — и онъ съ ними. Хитра Азія эта самая. У меня кунакъ есть — нашу медаль имѣетъ. А разъ гляжу — въ разбойничьей партіи и онъ съ медалью этою ѣдетъ. Я въ карагачѣ словно ворона сидѣлъ. Высматривалъ ихъ тогда. Потомъ встрѣтилъ его и корю: безстыжіе твои глаза! что же онъ: нѣшто, говорить, ваши мнѣ медаль повѣсили, чтобы я бабой сдѣлался? Поди столкуй съ ними — какіе они...

Вдругъ онъ цыкнулъ на Неручева и къ землѣ припалъ.

— Что?..

Пластунъ только отмахнулся и усамого камня слушалъ.

Старался различить что-нибудь и Неручевъ, да не могъ. Тишина «слѣпая». Онъ самъ улыбнулся надъ своимъ сра-